

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.4>

UDC 343.101
LBC 67.410.2

Submitted: 15.08.2021
Accepted: 20.09.2021

INVOLVEMENT AS A DEFENDANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS: NATIONAL TRADITIONS VS FOREIGN EXPERIENCE

Sergey B. Rossinsky

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: the prospects for further development of the criminal procedure mechanism for making a criminal claim against a person that is subject to substantive resolution during subsequent court proceedings is one of the controversial issues that attract the attention of a wide range of specialists. In this regard, the **purpose** of the paper is to identify the historical reasons that predetermined the rooting in the Russian system of the criminal procedure regulation of the existing procedure for bringing as a defendant to understand the possibility of its reformation, following the example of other European states. **Methods:** the methodological framework for the research consists of the general scientific (dialectical, systemic, structural-functional, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal, historical-legal, prognostic, etc.) research methods. The **results** of the study made it possible to formulate a position on the conditionality of the existing mechanism for bringing as a defendant by the historical traditions of the Russian criminal justice that have been formed over many years, largely based on the “classical” French (investigative) model of pre-trial proceedings. **Conclusions:** any proposed reforms of the mechanism for making a criminal claim against a person cannot be started only because of the “positive” experience of other countries; they can only begin after identifying, understanding, and properly assessing the underlying reasons that predetermined the appearance of the procedure for bringing as a defendant in the Russian criminal proceedings.

Key words: pre-trial proceedings, prosecution, preliminary investigation, involvement as a defendant, criminal prosecution, criminal legal claim.

Citation. Rossinsky S.B. Involvement As a Defendant in Criminal Proceedings: National Traditions vs Foreign Experience. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 34-40. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.4>

УДК 343.101
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 15.08.2021
Дата принятия статьи: 20.09.2021

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ VS ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Введение: перспективы дальнейшего развития уголовно-процессуального механизма выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, подлежащей разрешению по существу в ходе последующего судебного разбирательства – один из дискуссионных вопросов, привлекающих внимание широкого круга специалистов. В этой связи **целью** настоящей статьи является выявление исторических причин, предопределивших укоренение в российской системе уголовно-процессуального регулирования существующего порядка привлечения в качестве обвиняемого для понимания возможности его реформирования по примеру других европейских государств. **Методы:** методологическую основу работы составляют общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический и др.) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, прогностический и др.) методы исследования.

Результаты проведенного исследования позволили сформулировать позицию об обусловленности существующего механизма привлечения в качестве обвиняемого сформировавшимися на протяжении многих лет историческими традициями российской уголовной юстиции, во многом базирующимися на «классической» французской (следственной) модели досудебного производства. **Выводы:** любые предполагаемые реформы механизма выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии нельзя затевать лишь на основе «положительного» опыта других стран. Они могут начинаться только после выявления, уразумения и надлежащей оценки глубинных причин, предопределивших появление в российском уголовном судопроизводстве процедуры привлечения в качестве обвиняемого.

Ключевые слова: досудебное производство, обвинение, предварительное следствие, привлечение в качестве обвиняемого, уголовное преследование, уголовно-правовая претензия.

Цитирование. Россинский С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве: национальные традиции vs зарубежный опыт // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 34–40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.4>

Введение

В последнее время вследствие возникшей потребности в поиске какого-то нового пути дальнейшего развития российской уголовной юстиции, с одной стороны отвечающего международно-правовым стандартам, а с другой – учитывающего богатые национальные традиции, сформировавшиеся в этой сфере за долгие годы, среди ученых, практиков, государственных и общественных деятелей и иных специалистов не прекращаются споры о форме и содержании досудебного производства как наиболее проблемной фазы уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в условиях явного юридического приоритета субъектов уголовного преследования перед участниками со стороны защиты. Причем одним из обсуждаемых и достаточно дискуссионных вопросов является вопрос о дальнейших перспективах существования процедуры привлечения в качестве обвиняемого в том виде, в котором она предусмотрена действующим уголовно-процессуальным законом (гл. 23 УПК РФ), то есть находящегося в ведении следователя автономного юрисдикционного механизма, состоящего в выдвижении в отношении строго определенного лица от имени государства уголовно-правовой претензии (обвинения) и последующем производстве комплекса процессуальных действий, обусловленных данной претензией.

И в этом нет ничего странного, поскольку ввиду общей направленности досудебного производства в целом и предварительного расследования в частности на обеспечение возможности формирования позиции государ-

ственного обвинения (уголовно-правовой претензии) как предмета последующего судебного разбирательства [8, с. 18], процедура привлечения в качестве обвиняемого приобретает особое правовое значение и занимает важнейшее место среди множества других, присущих следственной деятельности процессуальных механизмов. Так, посредством осуществления этой процедуры, подводится определенный итог всей предшествующей работе органов предварительного расследования и формулируется указанная уголовно-правовая претензия – своеобразный «уголовный иск», подлежащий дальнейшему разрешению по существу посредством правосудия и обусловленный предварительными выводами следователя об установлении (доказывании) обстоятельств, вытекающих из смысла ст. 73 УПК РФ и предопределенных известной древнеримской семичленной формулой познания юридически значимых фактов: «Quis? Quid? Ubi? Quibusauxiliis? Cur? Quomodo? Quando?» (Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?). Одновременно привлечение в качестве обвиняемого порождает комплекс важнейших двусторонних правоотношений между основными уголовно-процессуальными «оппонентами» – осуществляющим публичное уголовное преследование государством и подвергаемой уголовному преследованию личностью, для чего эта личность и наделяется статусом обвиняемого, предполагающим существенные правовые возможности (права обвиняемого) и необходимые юридические гарантии для их продуктивного использования. И таким образом акт привлечения в качестве обвиняемого является наи-

высшей, кульминационной точкой предварительного расследования, выражающей сам смысл, само предназначение данного этапа уголовно-процессуальной деятельности.

**Дискуссии о дальнейшей судьбе
института привлечения
в качестве обвиняемого с учетом
зарубежного опыта**

В современных публикациях высказываются самые разные точки зрения о дальнейшей судьбе института привлечения в качестве обвиняемого: от его полной ликвидации до сохранения в неизменном виде. Причем сторонники полного упразднения либо существенного реформирования указанной процедуры, в том числе передачи соответствующих полномочий из ведения органов предварительного следствия в ведение прокуратуры, достаточно часто апеллируют к «положительному» опыту других стран использующих, в первую очередь, «немецкий» вариант романо-германской модели досудебного производства¹ [1, с. 10; 4, с. 136; и др.]. Нередко в качестве примеров заимствования подобного «положительного» опыта приводятся соответствующие реформы уголовно-процессуального законодательства, проведенные в некоторых государствах, возникших на постсоветском пространстве (в Грузии, в Казахстане, на Украине, в государствах Прибалтики и т. д.), также активно стремящихся к построению немецко-ориентированных систем досудебного производства. Хотя справедливости ради, стоит обратить внимание, что в поддержку данной позиции в современных публикациях приводятся и другие доводы [2, с. 8; 7, с. 137; и др.].

Сторонники противоположного подхода, выступающие за сохранение существующего института привлечения в качестве обвиняемого и разумность дальнейшего использования сугубо следственного порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, мотивируют свою точку зрения сложившимися за долгие годы национальными и вполне приемлемыми для дальнейшей эволюции уголовной юстиции традициями, возникшими еще во время действия дореволюционного уголовно-процессуального законодательства Российской империи и сопутствовавшими

всему последующему развитию отечественной системы досудебного производства [3, с. 129; 6, с. 734; и др.]. В частности, высказывается аргумент, что существующий порядок выдвижения уголовно-правовой претензии является существенной гарантией обеспечения процессуальных прав обвиняемого, тогда как упразднение этого института, напротив, негативно скажется на возможности их продуктивного использования и укрепления [5, с. 755].

Конечно, автору настоящей статьи как человеку, уже не первый год выступающему против резких и поспешных правотворческих шагов, ратующему за разумный консерватизм уголовно-процессуального права, за максимально возможное сохранение исторически сложившихся и во многом соответствующих менталитету российского общества традиций уголовного судопроизводства, намного ближе (что называется, «по душе») именно последняя точка зрения, предполагающая сохранение существующего в настоящее время следственного порядка привлечения в качестве обвиняемого. Между тем автор вовсе не является кондовым, не желающим принимать ничего нового рутинером, бескомпромиссным апологетом, заступником безусловного сохранения существующей модели привлечения в качестве обвиняемого. Вполне возможно, что ввиду дальнейшего развития правовой доктрины, судебных и правоохранительных органов, а также правоприменительной практики целесообразность указанных реформ станет более явной и очевидной. Но пока эти реформы являются преждевременными. По крайней мере, ни один из высказанных в их поддержку доводов не обладает достаточной степенью убедительности и легко парируется целым рядом контраргументов.

И в первую очередь трудно согласиться с мнением о ликвидации следственной процедуры привлечения в качестве обвиняемого лишь ввиду «положительного» опыта Германии и других европейских государств, избравших «немецкий» вариант романо-германской модели досудебного производства, то есть отказавшихся от реализации юрисдикционных полномочий следственного (судебно-следственного) характера, свойственных другому – «французскому»

варианту романо-германской модели². Тем более, вряд ли стоит в решении этих сложнейших, зреющих десятилетиями проблем полностью полагаться на разумность и безошибочность правотворческой политики некоторых бывших союзных республик, изо всех сил старающихся максимально подогнать порядок осуществления отдельных уголовно-процессуальных механизмов под «прогрессивные» западные стандарты. Желательно бы еще при этом знать подлинные мотивы, побудившие наших «соседей» к проведению таких реформ, в частности, быть уверенным в их детерминированности не исключительно политико-конъюнктурными соображениями. Скорее заслуживает поддержки точка зрения С.Г. Коновалова, справедливо полагающего, что сам по себе зарубежный опыт не может свидетельствовать о бесполезности института привлечения в качестве обвиняемого [5, с. 755].

**Причины,
предопределившие возникновение
существующего порядка привлечения
в качестве обвиняемого**

Думается, что любые обсуждения подобных реформ могут начинаться лишь после выявления, уразумения и надлежащей оценки глубинных причин, предопределивших появление в российском уголовном судопроизводстве тех или иных правовых механизмов, в частности, существующего порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. Тогда как многие авторы, ратующие за отказ от следственной процедуры привлечения в качестве обвиняемого, основывают свои позиции лишь некой архаичностью, отсталостью, «несовременностью» действующего законодательства, его несоответствия якобы передовым и подлинно демократическим механизмам, применяемым в наиболее развитых странах.

Между тем такие глубинные причины безусловно существуют, а их возникновение напрямую связано с особенностями формирования и многолетнего развития советской уголовной юстиции и уголовно-процессуального права. В публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно отмечалось, что во

многом унаследовавшая советские подходы современная российская система досудебного производства (кстати, как и аналогичные системы, используемые в других постсоветских государствах) предполагает вызванное целым рядом причин переплетение элементов, характерных для разных моделей и вариантов уголовного-процессуальной деятельности, что представляет собой достаточно необычный и интересный феномен [8, с. 43]. Российскому предварительному расследованию остаются присущи многие элементы «французского» варианта романо-германской модели³. Причем наиболее наглядно они проявляются именно в части предварительного следствия, которое, несмотря на особый путь развития и невзирая на множество «изобретений», постепенно вводимых в сферу уголовно-процессуального регулирования начиная с 1917 г., еще сохраняет свои «наполеоновские» корни, свою юрисдикционную (судебно-следственную) природу. В отличие от другой предусмотренной УПК РФ формы расследования – дознания, предварительному следствию свойственно более глубокое погружение в обстоятельства дела, обеспечивающее подлинную возможность их полного, всестороннего и объективного исследования в лучших традициях отечественной уголовной юстиции.

Как раз поэтому законодатель и позволяет обвиняемому еще до направления уголовного дела в суд возражать против предъявленного обвинения, давать показания по предъявленному обвинению, заявлять ходатайства о проведении иных процессуальных действий, направленных на опровержение предъявленного обвинения и т. д. Обеспечению этих прав и служит автономная процедура привлечения в качестве обвиняемого. Она позволяет следователю заблаговременно ознакомить лицо с содержанием выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензии и окончательно решить вопрос о дальнейшей юридической перспективе уголовного дела лишь с учетом позиции обвиняемого (его защитника) и сообщенных им сведений по существу указанной претензии, а в случае возникновения потребности в изменении, дополнении обвинения либо частичном прекращении уголовного преследования воспользоваться

полномочиями, предусмотренными ст. 175 УПК РФ. И, кстати, именно поэтому предусмотренный гл. 23 УПК РФ механизм привлечения в качестве обвиняемого присущ только предварительному следствию, предполагающему усложненную, как бы двухэтапную технологию «подведения итогов» досудебного производства, состоящую в: 1) выдвижении обвинительного тезиса посредством специального постановления о привлечении в качестве обвиняемого; 2) последующем надлежащем обосновании и подтверждении (своего рода «засиливании») данного тезиса в обвинительном заключении. Тогда как дознание, напротив, несмотря на постепенную процессуализацию и все большее и большее сближение с предварительным следствием, все-таки в чем-то еще сохраняет свою «полицейскую» природу⁴, поэтому предполагает сугубо «полицейский» подход к досудебному производству: быстро и оперативно выявить преступление, обнаружить и зафиксировать его следы, задержать подозреваемого, получить избыточные сведения и направить дело в суд. Подобный подход не нуждается в автономизации процедуры привлечения в качестве обвиняемого, поскольку не подразумевает подробного исследования всех обстоятельств уголовного дела, в частности, получения показаний от лица по поводу выдвинутого в отношении него «полицейского обвинения» (подозрения), пересмотра обвинительного тезиса с учетом данных показаний и т. д., в связи с чем для дознания предусмотрен более простой, одноэтапный механизм выдвижения уголовно-правовой претензии – вынесение в отношении подозреваемого обвинительного акта либо обвинительного постановления (ст. 225, 226.7 УПК РФ), как бы сочетающих, синтезирующих элементы и постановления о привлечении в качестве обвиняемого, и обвинительного заключения (исключение – ч. 3 ст. 224 УПК РФ).

По этим же причинам нельзя согласиться и с другим доводом сторонников ликвидации следственной процедуры привлечения в качестве обвиняемого – ее пониманием исключительно как акта публичного уголовного преследования, как одной из «реперных точек» осуществления уголовно-процессуальной функции обвинения.

Выводы

В завершение хочется еще раз обратить внимание, что автор настоящей статьи вовсе не ратует за безусловное сохранение института привлечения в качестве обвиняемого, по крайней мере в том виде, в котором он предусмотрен действующим уголовно-процессуальным законом. Не исключено, что в дальнейшем (возможно, даже в весьма обозримом будущем) ввиду ряда тенденций (к усилению процессуальной экономии, к удешевлению уголовного процесса и т. д.), Российской Федерации все же придется окончательно отказаться от сохранившихся до настоящего времени (к слову, достаточно «тяжелых» и затратных) элементов «французского» (следственного) варианта романо-германской модели досудебного производства, и по примеру Германии, Австрии и других европейских стран полностью перестроить систему предварительного расследования по «немецкому» (прокурорско-полицейскому) образцу, лишаящему процедуру привлечения в качестве обвиняемого какого-либо смысла. В таком случае останется лишь поддержать подобные правотворческие шаги, ну, а если повезет, даже принять посильное участие в подготовке соответствующих законопроектов.

В любом случае ясно одно – поднятые в настоящей статье проблемы могут быть окончательно разрешены лишь посредством четкого понимания учеными и законодателем перспектив дальнейшего развития всей системы уголовного судопроизводства в духе, соответствующем интересам российского общества и государства. Вообще любые реформы системы уголовного судопроизводства, в частности механизмов выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, должны иметь не только законотворческий, а комплексный характер. При этом начинать их нужно не с внесения новой (какой по счету?) порции изменений и дополнений в УПК РФ, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессии следователя, с повышения уровня его профессионализма, правосознания, правопонимания, ответственности, то есть личностных качеств, столь необходимых для выполнения задач, стоящих перед уголовной юстицией [9, с. 95–96, 100].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под «немецким» вариантом романо-германской модели досудебного производства автор настоящей статьи условно понимает концепцию построения досудебного производства в ряде европейских государств (Германии, Австрии, Италии, Польше, Швейцарии и др.), предполагающую осуществление предварительного расследования правоохранительными органами полицейского типа (полицией) либо под прямым руководством прокурора, являющегося как бы «хозяином процесса» (*herr des ermittelungsverfahrens*), либо в условиях сильной зависимости от его надзорных полномочий.

² Под «французским» вариантом романо-германской модели досудебного производства автор настоящей статьи условно понимает концепцию построения досудебного производства в ряде европейских государств (Франции, Испании, Бельгии, Греции и др.), основанную на «классической» концепции континентального уголовного процесса, возникшей во Франции на рубеже XVIII–XIX вв. и получившей нормативное закрепление в так называемом «Наполеоновском» кодексе – Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г. (*Code D'instruction criminelle del'Empire Francais*). «Французский» вариант предполагает дифференциацию непроцессуального полицейского дознания и предварительного расследования, находящегося в ведении представителей судебной власти (судебных следователей, следственных судей и т. п.), обладающих юрисдикционными полномочиями.

³ Впервые возникнув во время известной судебной реформы Александра II, российская система досудебного производства в современном понимании этого феномена изначально имела достаточно высокую степень преемственности именно по отношению к «французскому» варианту романо-германской модели и заключалась в деятельности судебных следователей при содействии полиции, при наблюдении прокуроров и их товарищей (ст. 249 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г.).

⁴ Как известно, в дореволюционный период под дознанием понималась непроцессуальная деятельность полиции, направленная на раскрытие преступлений, на установление и розыск потенциальных обвиняемых и осуществление иных подобных познавательных и обеспечительных мероприятий, в настоящее время относящихся к содержанию оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов (отд. 2 гл. 1 разд. 2 Устава уголовного судопроизводства Российской империи). Однако революционные события 1917 г. и последующие за ними реформы правоохранительной системы обусловили постепенное превращение дознания в одну из форм предварительного расследования, в некую процессуальную альтернативу предварительному следствию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов, Б. Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б. Я. Гаврилов // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2021. – № 6. – С. 7–14.

2. Гаврилов, Б. Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению / Б. Я. Гаврилов // *Российский следователь*. – 2013. – № 21. – С. 5–11.

3. Кальницкий, В. В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды / В. В. Кальницкий. – Омск, 2016. – 200 с.

4. Ковтун, Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России / Н. Н. Ковтун // *Журнал российского права*. – 2019. – № 9. – С. 123–137.

5. Коновалов, С. Г. Процедура привлечения в качестве обвиняемого как конституционная гарантия прав человека / С. Г. Коновалов // *Научные труды Российской академии юридических наук*. – М. : Юрист, 2019. – С. 752–755.

6. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – 2-е изд., исправл. – М. : Статут, 2017. – 1280 с.

7. Наумов, К. А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук / Кирилл Александрович Наумов. – Омск, 2021. – 209 с.

8. Россинский, С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств / С. Б. Россинский. – М. : Норма, 2021. – 408 с.

9. Россинский, С. Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) / С. Б. Россинский // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2016. – № 10. – С. 93–100.

REFERENCES

1. Gavrilov B.Ya. 20 let rossiyskomu ugotovno-processual'nomu zakonu: sootvetstvuet li on nauchnym vozzreniyam i trebovaniyam pravoprimenitelya [20 Years of the Russian Criminal Procedural Law: Does It Correspond to the Scientific Views and Requirements of the Law Enforcement Officer]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2021, no. 6, pp. 7-14.

2. Gavrilov B.Ya. Sovremennye problemy dosudebnogo proizvodstva i mery po ih razresheniyu

[Modern Problems of Pre-Trial Proceedings and Measures to Resolve Them]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian Investigator], 2013, no. 21, pp. 5-11.

3. Kalnitskiy V.V. *Voprosy teorii i praktiki ugolovnogo sudoproizvodstva: izbrannye trudy* [Questions of Theory and Practice of Criminal Proceedings. Selected Works]. Omsk, s.n., 2016. 200 p.

4. Kovtun N.N. Formirovanie gosudarstvennogo obvineniya kak samostoyatel'naya stadiya ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii [Formation of the Public Prosecution As an Independent Stage of Criminal Proceedings in Russia]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 9, pp. 123-137.

5. Konovalov S.G. Procedura privlecheniya v kachestve obvinyaemogo kak konstitucionnaya garantiya prav cheloveka [The Procedure for Bringing As a Defendant As a Constitutional Guarantee of Human Rights]. *Nauchnye trudy rossiyskoy akademii yuridicheskikh nauk* [Scientific Works of the Russian Academy of Legal Sciences]. Moscow, Yurist Publ., 2019, pp. 752-755.

6. Golovko L.V., ed. *Kurs ugolovnogo processa* [Course of Criminal Procedure]. Moscow, Statut Publ., 2017. 1280 p.

7. Naumov K.A. *Sushchnost' i postroenie dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom processe Rossii: dis. kand. yurid. nauk* [The Essence and Structure of Pre-Trial Proceedings in the Criminal Process of Russia. Cand. jurid. sci. diss.]. Omsk, s.n., 2021. 209 p.

8. Rossinskiy S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnomu delu: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case: The Essence and Methods of Collecting Evidence]. Moscow, Norma Publ., 2021. 408 p.

9. Rossinskiy S.B. Kakim dolzhen byt' rossiyskiy sledovatel'? (k 25-letiyu Konceptii sudebnoy reformy RSFSR) [What Should a Russian Investigator Be Like? (To the 25th Anniversary of the Concept of Judicial Reform of the RSFSR)]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2016, no. 10, pp. 93-100.

Information About the Author

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Znamenka St, 10, 119019 Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, ул. Знаменка, 10, 119019 г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>